

Примечания

¹ Алексеева Л.Б. Практика применения ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. М., 2000. С.91.

² См. об этом также: Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России / Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: Материалы научной конференции, г. Москва 22-23 января 2002 г., / Отв. ред. д.ю.н., проф. И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2002. С.12.

³ См.: Амирбеков К. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. №12. С.23; Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «переступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. №10. С.25.

⁴ См.: Холоденко В. Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. 2002. №3. С.50.

⁵ См.: Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России. С.21; Эльдаров М. Потерпевшему дать права частного обвинителя // Российская юстиция. 1997. №8. С.18; Волосова Н. Об институте сообвинения // Российская юстиция. 1998. №4. С.11; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Постатейный научно-практический комментарий коллектива ученых-правоведов под рук. В.И. Радченко, В.П. Кашепова, А.С. Михлина. М., 2002. С.353; Петрова Н.Е. Частное и subsidiарное обвинение: Дисс.... канд. юрид. наук. Самара, 1999. С.116 и др.

⁶ Аликперов Х. О процессуальной фигуре государственного обвинителя // Российская юстиция. 2003. №3.

*Н.Е. Петрова**

Виды обвинительной деятельности в современном уголовном процессе России и проблема обоснования целостности института неофициального обвинения

Традиционным для российской уголовно-процессуальной доктрины является деление обвинения в процессуальном смысле на частное, частно-публичное и публичное¹. Эту традицию восприняло и обновлен-

* © Петрова Н.Е., 2005.

ное процессуальное законодательство (ст. 20 УПК РФ). Однако с данной дифференциацией связано немало спорных вопросов.

В рамках отечественной правовой системы, традиционно принадлежащей к континентальному типу, частным обвинением принято называть достаточно своеобразные процессуальные формы. Со времен первых общероссийских судебныхников право частных лиц на возбуждение и ведение уголовного преследования было ограничено сферой малозначительных преступлений. В советском законодательстве данное положение сохранилось в неизменном виде. Исповедующий традиционный взгляд на уголовное право и процесс как сферу государственной монополии советский законодатель настороженно относился к частной инициативе в сфере уголовного судопроизводства. До создания ныне действующего уголовно-процессуального законодательства многие ученые открыто высказывали неприязнь к институту частного обвинения. Например, М.А. Чельцов-Бебутов категорически полагал, что «...частное обвинение есть институт вымирающий в нашем процессе, проникнутом в высшей степени началом публичности»². Такое же отрицательное отношение к частному обвинению было высказано в работе С.П. Мокринского: «Институт частного обвинения противоречит основам советского уголовного права — началам плановости и целесообразности, контрастным стихийности и возмездия»³. Несколько видных ленинградских ученых пришли к выводу, что не должно быть разграничения на дела частного, частно-публичного и публичного обвинения, так как это противоречит принципу публичности⁴. И даже после принятия в 1960 году УПК РСФСР, сохранившего, как известно, институт частного обвинения по отдельным категориям дел, некоторые авторы продолжали высказываться в том смысле, что «...институт частного обвинения не содействует защите интересов личности в уголовном процессе и борьбе с преступностью, а само понятие «частное обвинение» не характерно для социалистического права, не знающего противопоставления личных и общественных интересов»⁵.

Стремясь достигнуть компромисса между идеологическими постулатами, подчиняющими интересы личности обществу, и элементарными требованиями этики, запрещающими вмешательство в интимную жизнь индивида, отечественный законодатель всегда проявлял крайнюю осторожность и непоследовательность в регламентации института частного обвинения. Вследствие этого в действующем законодательстве сфера применения частного обвинения осталась весьма узкой — это всего

четыре состава преступлений (ст. 115, 116, 129 ч.1 и 130 УК РФ), причем и здесь допустимость частного обвинения не безусловна, а зависит от усмотрения должностных лиц, которые в конечном итоге принимают все процессуальные решения. При этом прокурор в любой момент может вступить в производство по такому делу или начать его по собственной инициативе, лишая таким образом частного обвинителя некоторых специальных прав (ч. 3 ст. 27 УПК РСФСР, ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 318 УПК РФ). Так, по результатам изучения 100 уголовных дел, возбужденных по статьям 115, 116, 129 ч.1 и 130 УК РФ и соответствующим статьям УК РСФСР, рассмотренных районными судами Самары, Самарской области, а также городов Саратова и Уфы, было установлено, что прокуроры возбуждают подобные дела по своей инициативе в 26% случаев. При этом в подавляющем большинстве случаев (92 %) прокуроры пользуются таким правом необоснованно, при отсутствии специальных оснований, предусмотренных ч. 3 ст. 27 УПК РСФСР. Данное нарушение уголовно-процессуального закона получило широкое распространение, несмотря на то, что практика Верховного суда неоднократно указывала на его недопустимость. Так, по материалам обобщений судебной практики, проводимых Верховным судом РФ, возбуждение дела частного обвинения прокурором при отсутствии оснований, указанных в ч. 3 ст. 27 УПК РСФСР, следует считать существенным нарушением уголовно-процессуального закона. На это указал, например, Президиум Оренбургского областного суда в определении по делу Гальгина⁶.

В то же время при изучении правоприменительной практики выявлено девять случаев незаконного отказа в возбуждении уголовного дела частного обвинения при наличии жалобы потерпевшего. В трех случаях в возбуждении дела отказано судом, в шести — правоохранными органами. Во всех случаях отказ в возбуждении уголовного дела мотивировался непредставлением доказательств виновности лица, на которого подана жалоба, хотя, как известно, до возбуждения уголовного дела доказывание не осуществляется. По жалобе потерпевшего, принесенной в вышестоящие инстанции, решения об отказе в возбуждении дела были признаны незаконными и отменены. Помимо этого, в 17% случаев допускались грубые нарушения прав потерпевших как субъектов обвинения. По десяти делам (10%) суд счел возможным вынести обвинительный приговор без желания потерпевшего поддерживать обвинение и без участия в деле государственного обвинителя. В четырех случаях (4%) потерпевший не был допущен в прения. В одном деле прокурор, вопре-

ки состоявшемуся примирению сторон и при отсутствии законных оснований, возбудил производство⁷. По другому делу девять (!) раз органы предварительного расследования и суд выносили необоснованные решения о прекращении производства, вопреки желанию потерпевшего⁸.

Анализ норм закона и правоприменительной практики свидетельствует о том, что потерпевший занимает в делах частного обвинения весьма неоднозначное положение. Формально он по рассматриваемой категории дел признается самостоятельным субъектом обвинения, а фактически осуществление им обвинительных полномочий зависит от усмотрения должностных лиц. Такая непоследовательность законодателя и правоприменителей в отношении процессуальных форм неофициальной обвинительной деятельности привела многих исследователей к мысли о том, что частное обвинение нельзя считать разновидностью обвинительной деятельности. Так, например, Ф.Н. Фаткуллин, критикуя взгляд на частное обвинение как на проявление незаинтересованности государства в борьбе с определенными правонарушениями и вытекающее отсюда суждение о полной зависимости преступности и наказуемости таких деяний от воли потерпевшего, пишет: «Употребление применительно к определенной группе дел *условного термина* (курсив мой. — Н.П.) «частное обвинение» не означает... отказа от публично-правовой (читай: официальной. — Н.П.) борьбы с ними⁹. Ту же мысль развивает С.А. Альперт: «...*так называемое* (курсив мой. — Н.П.) частное обвинение — это не вид обвинительной деятельности, а определенный круг дел, имеющих указанные в законе особенности, почему следует говорить о делах частного обвинения»¹⁰. В другом месте тот же автор пишет: «...неправильно говорить о частном *обвинении*. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не знает такого вида обвинения. В советском уголовном процессе есть лишь три вида обвинения: государственное, общественное и обвинение, осуществляемое потерпевшим»¹¹.

С принятием нового Уголовно-процессуального кодекса России (а точнее, несколько раньше, с изданием Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 7 августа 2000 года № 119-ФЗ) частное обвинение, казалось бы, получило официальное признание. Впервые в истории послеоктябрьского периода частным лицам предоставлены такие процессуальные полномочия, которые традиционно считались принадлежащими исключительно должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование. Так, ч. 1 ст. 318 УПК РФ устанавливает право частных лиц возбу-

дить уголовное производство по делам о преступлениях, указанных в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, путем подачи заявления. При этом, согласно ч. 7 ст. 318 УПК РФ, в момент принятия мировым судьей заявления частного обвинителя к своему производству лицо, в отношении которого оно подано, становится обвиняемым, иными словами, подача частным лицом заявления по своей процессуальной сути аналогична институту предъявления обвинения. Из смысла ч. 2 ст. 319 УПК РФ следует, что частный обвинитель наделен правом собирать доказательства, а ч. 2 ст. 43 УПК РФ предоставляет частному обвинителю в судебном заседании по делу частного обвинения те же права, что и государственному обвинителю. Более того, законодатель впервые в истории послеоктябрьского уголовного процесса открыто отдал предпочтение частному интересу перед публичным, указав в ч. 4 ст. 318 УПК РФ, что вступление в дело частного обвинения прокурора не лишает стороны права на примирение.

И все-таки, несмотря на бесспорную демократичность упомянутых новелл, остается нерешенным вопрос, почему так узок круг дел частного обвинения, почему только потерпевший от малозначительных преступлений наделен всей полнотой процессуальных прав обвинителя? Ответ на него невозможен без анализа критериев, которые законодатель положил в основу выделения дел частного обвинения в особую группу.

Многолетняя научная дискуссия по этому поводу представлена широким спектром мнений. Одни авторы полагали, что к делам частного обвинения, как затрагивающим непосредственно лишь интересы потерпевшего, государство относится безразлично и не заинтересовано в их преследовании¹². Существовало мнение, что дела частного обвинения охватывают преступления незначительные и маловажные, поэтому государству необходимо выяснить мнение потерпевшего для решения вопроса о целесообразности уголовного преследования¹³. Третьи полагали, что сама общественная опасность этих правонарушений по общему правилу зависит от того, как воспринимает потерпевший нарушение своих интересов правонарушителем¹⁴. С этим мнением связана четвертая точка зрения, которая заключается в том, что отношение потерпевшего к совершенному против него деянию включается в элементарный состав данного преступления¹⁵. Пятые считают приоритетными в этом вопросе соображения этического плана, а именно стремление законодателя восстановить между потерпевшим и его обидчиком нормальные взаимоотношения¹⁶. Шестые понимают частное обвинение как форму упрощенного производства в рамках дифференциации уголовного процес-

са¹⁷. Седьмые предлагают считать определенную комбинацию из вышеперечисленных обстоятельств самостоятельным основанием для выделения соответствующей категории дел¹⁸.

Даже беглый обзор этих точек зрения делает очевидным, что в качестве критерия дифференциации процессуального явления (обвинения) большинство авторов избирает либо материально-правовое, либо внеправовое основание. Представляется, что такой подход является ошибочным и приводит только к одной мысли — обособленное на основе таких критериев явление не может считаться процессуальной функцией (уголовным преследованием, обвинением). Но, к сожалению, именно этот взгляд является общепризнанным в современной российской науке. В новейших диссертационных исследованиях мы встречаем утверждение, что «...в основу дифференциации видов обвинения должен быть положен объект преступного посягательства»¹⁹. Более того, подобная точка зрения получила закрепление в новом уголовно-процессуальном законодательстве. Часть 1 ст. 20 УПК РФ гласит: «*В зависимости от характера и тяжести совершенного преступления* (выделено мной. — Н.П.) уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке». Именно поэтому современная дискуссия о расширении прав частных лиц в области уголовного преследования свелась к вопросу об определении круга составов преступлений, относимых к делам частного обвинения²⁰.

Однако рассмотренный подход к проблеме дифференциации обвинения представляется не вполне корректным. Прежде всего, кажется необоснованным использование в качестве критерия выделения форм процессуального института материально-правового условия (характера и тяжести преступления). Думается, что для дифференциации форм процессуального института, каковым является обвинительная деятельность, необходимо найти процессуальное основание. Принципиально правильной представляется позиция В.М. Савицкого, который полагает, что разграничение обвинительной деятельности на отдельные виды следует проводить по ее субъектам. Что же касается деления обвинения на публичное, частное и частно-публичное, то, замечает указанный автор, такая классификация не может дать ответ на вопрос, кто именно в данном деле поддерживает обвинение²¹. Также заслуживает поддержки мнение А.Г. Халиулина, полагающего, что «понятие “вид уголовного преследования” указывает на то, по чьей инициативе возбуждается уголовное преследование и в соответствии с какой процедурой реализуется»²².

В опровержение деления обвинения на частное, частно-публичное и публичное можно привести еще один аргумент. Употребление термина «частное» по отношению к обвинению представляется в принципе неверным, поскольку обвинение всегда публично в силу законодательного определения преступления как общественно опасного деяния. Субъектный состав обвинителей никак не отражается на публичной природе обвинения. Эту мысль с предельной ясностью выразил Н.Н. Розин: «Функция преследования (обвинения) приобретает... публично-правовой характер совершенно независимо от того, кто эту функцию выполняет. Выполнение же ее государство может поручить особым должностным лицам или предоставить, как общегражданский долг и общегражданское право, частным лицам»²³. Именно поэтому дореволюционные процессуалисты предпочитали называть обвинительную деятельность, осуществляемую должностными лицами, не публичным обвинением, а должностным, официальным или государственным²⁴. Как пишет Н.Н. Полянский, «...публичное обвинение и государственное обвинение не одно и то же... Отсюда следует... что вопрос об участии частных лиц в публичном обвинении есть вопрос о допустимости другого вида публичного обвинения, кроме государственного»²⁵. Поэтому приняв в качестве критерия дифференциации субъектный состав обвинителей и особенности процессуальных форм, в которых реализуется их деятельность, целесообразно разделить уголовное преследование на официальное, осуществляемое должностными лицами, и неофициальное, осуществляемое частными лицами²⁶. Официальная и неофициальная формы обвинения представляют два самостоятельных, независимых друг от друга и конкурирующих вида преследования преступлений. Это означает, что, с одной стороны, неофициальное обвинение может иметь место по всем категориям уголовных дел, а с другой, не может быть преступлений, преследование которых государство не могло бы начать и вести по собственной инициативе. Иными словами, должностной или неофициальной характер обвинительной деятельности не может быть заранее определен в законе, он выясняется в ходе производства по каждому конкретному делу. Попытки найти оптимальное соотношение между категориями преступлений, преследуемых в официальном порядке, и деяниями, преследуемыми по инициативе частных лиц, и закрепить это соотношение в законе ориентируют на казуальное построение права, всегда свидетельствующее о низком уровне законодательной техники и порождающее неразрешимые проблемы в правоприменении. Так, уже сегодня

государственные органы уголовного преследования при помощи манипуляций с квалификацией преступления придают делу желательную для них форму производства, нарушая при этом процессуальные права потерпевших. При изучении правоприменительной практики была выявлена интересная тенденция. Например, правоохранительные органы г. Уфы для того, чтобы иметь формальное основание вести по делу официальное производство, в целях «улучшения» статистики раскрываемости преступлений, квалифицируют побои, оскорбления и умышленные причинения легкого вреда здоровью по совокупности с угрозой убийством (ст. 119 УК РФ). Суды же впоследствии по ст. 119 УК РФ оправдывают подсудимых. В г. Самаре и Самарской области деяния, не нарушавшие общественный порядок, без достаточных оснований квалифицируются как хулиганство, в дальнейшем суды изменяют квалификацию на преступления частного обвинения. Аналогичная практика применяется и в г. Саратове. Так, в одном только Заводском районном суде г. Саратова из 158 уголовных дел, поступивших в суд с квалификацией по ст. 213 УК РФ (хулиганство) и рассмотренных в 1997- 1999 гг., по 108 делам (около 68%) квалификация, данная на предварительном следствии, была изменена в судебном заседании на составы преступлений, преследуемых в частном порядке²⁷. Нетрудно заметить, что правоохранительные органы, повышая указанным способом процент раскрываемости преступлений, лишали потерпевших права самостоятельно поддерживать обвинение, примириться с обвиняемым и т.д. С другой стороны, когда правоохранительным органам почему-либо невыгодно возбуждение производства по делу, они отказывают в этом, ссылаясь (не всегда обоснованно) на то, что в данном случае имеет место преступление, преследуемое в частном порядке, чем лишают потерпевшего поддержки в собирании доказательств. Пример такого необоснованного отказа в возбуждении производства можно увидеть в деле по обвинению Курсовой. Первоначально орган дознания отказал в возбуждении этого дела, сославшись на то, что в отношении потерпевшей было совершено преступление, преследуемое в частном порядке, хотя впоследствии действия обвиняемой были квалифицированы как хулиганство²⁸.

Таким образом, результаты теоретического анализа и изучения правоприменительной практики приводят к мысли, что вид обвинения не должен определяться в зависимости от квалификации преступного деяния. Отсюда следует, что сфера неофициальной обвинительной деятельности не может быть ограничена какой-либо категорией уголовных дел,

соответственно, этот процессуальный институт должен обладать целостностью, то есть существовать на паритетных началах с официальным уголовным преследованием. Нельзя не отметить, что в нынешнем российском законодательстве и правоприменительной практике неофициального обвинения в точном смысле этого слова не существует. Есть лишь отдельные составляющие этого явления, изучение которых позволит воспроизвести недостающие элементы идеальной модели неофициального обвинения. Такими составляющими, по нашему мнению, являются:

1) производство по делам о клевете, оскорблении, умышленном причинении легких телесных повреждений, побоях (ч. 2 ст. 20 УПК РФ);

2) участие потерпевшего в производстве по делам публичного обвинения;

3) возможность обжалования потерпевшим в суд решений органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела (Постановление Конституционного суда РФ от 13 ноября 1995 года № 13-П, сообщение Конституционного суда РФ по жалобе Л. Дурновой на неконституционность ч. 4 ст. 113 УПК РСФСР)²⁹.

Признание целостности института неофициального обвинения требует внесения соответствующих изменений в законодательство. Предлагается целесообразным изменить редакцию ст. 20 УПК РФ и изложить ее следующим образом.

«Статья 20. Виды уголовного преследования.

В соответствии с правовым положением лиц, осуществляющих преследование преступлений, и процессуальными особенностями ведения данной деятельности уголовное преследование может осуществляться в официальном (должностном) и неофициальном порядке.

Официальное уголовное преследование осуществляется прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем в соответствии с возложенными на данных лиц должностными обязанностями.

Неофициальное уголовное преследование вправе осуществлять граждане и юридические лица, считающие, что преступлением им причинен вред, а также наделенные соответствующими полномочиями представители общественных организаций и органов СМИ (общественные обвинители) в порядке и на условиях, установленных настоящим Кодексом».

Таким образом, неофициальное обвинение представляет собой самостоятельный вид преследования преступлений, содержание которого составляет урегулированная уголовно-процессуальным правом публичная де-

тельность по преследованию и изобличению лиц, совершивших преступление, осуществляемая частными лицами, добровольно принявшими на себя права и обязанности обвинителей и вследствие этого обладающими процессуальной самостоятельностью, использующими указанные права на началах диспозитивности и несущими установленную для обвинителя ответственность.

Примечания

¹ См., напр.: Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань, 1976. С. 28-29.

² Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1929. Вып. II. С. 64.

³ Мокринский С.П. Дела частного обвинения // Основы и задачи советской уголовной политики. М.; Л., 1929. С. 152.

⁴ См.: Грабовская Н.П., Солодкин И.И., Элькинд П.С. К вопросу о делах частного обвинения // Вопросы уголовного права и процесса. Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 8. 1956. С. 184-185.

⁵ Анпилогова В.Г., Кокорев Л.Д. К вопросу о частном обвинении // Социалистическая законность и охрана прав граждан. Воронеж: ВГУ, 1963. С. 80-81.

⁶ См.: Бюллетень Верховного суда РФ. 1998. № 5. С. 21.

⁷ См.: Архив Самарского районного суда г. Самары. Дело № 1-321/96.

⁸ См.: Архив Самарского районного суда г. Самары. Дело № 1-118/98.

⁹ Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и изменение его в суде. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. С. 57.

¹⁰ Альперт С.А. Обвинение в советском уголовном процессе. Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1974. С. 28.

¹¹ Альперт С.А. Производство по уголовным делам, возбуждаемым по жалобе потерпевшего. Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1976. С. 14.

¹² См., напр.: Холодов. Упрощение производства и экономия по делам частного обвинения и заочным приговорам // Ежемесячник советской юстиции. 1928. № 4. С. 107.

¹³ См., напр.: Строгович М.С. Уголовные дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего // Ежемесячник советской юстиции. 1926. № 41. С. 1186.

¹⁴ См.: Уголовный процесс / Под ред. М.А. Чельцова. М.: Юрид. лит., 1969. С. 186.

¹⁵ См.: Полянский Н.Н. Процессуальные права потерпевшего // Советское государство и право. 1940. № 12. С. 58-59.

¹⁶ См.: Альперт С.А. Производство по уголовным делам, возбуждаемым по жалобе потерпевшего. С. 19.

¹⁷ См.: Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: Система стадий и система производств: Основные и дополнительные производства. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. С. 56.

¹⁸ См.: Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1972. С. 321-322.

¹⁹ Улищенко М.Б. Функция обвинения в суде: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 40. См. также: Ковтун Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: Время выбора // Государство и право. 1995. № 11. С. 66-71; Рогова О.И. Указ соч. С. 35-36.

²⁰ См., напр.: Дорошков В. Судопроизводство по делам частного обвинения // Российская юстиция. 1995. № 9. С. 23; Петухов Ю.Е. Соотношение публичного и частного обвинения в уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 74-110.

²¹ См.: Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде... С. 231.

²² См.: Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры РФ: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 16. К сожалению, данный автор, как и многие другие ученые, подразделяет уголовное преследование на частное, частно-публичное и публичное.

²³ Розин Н.Н. Указ. соч. С. 270.

²⁴ См.: Там же. С. 269 и сл.; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1998. Т. 1. С. 67 и сл.; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 196 и сл.

²⁵ Полянский Н.Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение. М., 1914. С. 1-2.

²⁶ Чтобы избежать неточностей в толковании данного термина, подчеркнем, что термин «неофициальное обвинение» является в известной мере условным, обозначающее им явление не имеет ничего общего с практикой внесудебной расправы и самосуда, поскольку в нашем понимании деятельность неофициального обвинителя должна четко регулироваться уголовно-процессуальным законом и осуществляться под строгим контролем со стороны суда.

²⁷ По обобщенным данным изучения 300 уголовных дел, подобное изменение формы производства имело место в 32 % случаев.

²⁸ Архив Самарского районного суда г. Самары. Дело № 1-118/98.

²⁹ См.: Российская газета. 1995. 20 ноября. См. также: Кому жаловаться на отказ в возбуждении уголовного дела?// Российская юстиция. 1997. № 7. С. 36.